

Научная статья

Бесермянский праздник акаяшка и терминология, связанная с его проведением

DOI 10.31483/r-101558

УДК 811.511.131

Максимов С. А.

ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», ROR Ижевск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме: Работа посвящена традиционному бесермянскому празднику акаяшке, связанному с началом весенних полевых работ. Обрядовый комплекс этого праздника длился в течение трех-четырех дней, и каждый день имел свое название: арафа, акаяшка ~ акашха, акаяшка келян. *Актуальность.* Удмуртский обрядовый цикл акашка (бес. акаяшха) достаточно подробно описан исследователями XIX – начала XXI в. В новейших работах имеются попытки реконструкции происхождения и эволюции обрядовых элементов. Однако некоторые ранние описания в подобных исследованиях остались без должного внимания. Этимологии отдельных терминов, связанных с проведением акаяшки, раскрыты не до конца или вызывают сомнения и требуют дальнейшей разработки или уточнения. *Выводы.* В нашей работе впервые раскрывается этимология слова чолпан (колотушка, которой стучали о дерево для изгнания нечистой силы в первый день празднования акаяшки) и аргар (обряд накануне акаяшки с просьбой у всевышнего об урожае), определена причина возникновения названия обряда бурдо шед ‘крылатый суп’, прямые аналоги которого в удмуртских диалектах отсутствуют; также уточняются причины временных и содержательных различий обрядов цикла акаяшха ~ акашха ~ гершыд, имеющих общий источник происхождения.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянское наречие, обрядовый комплекс акаяшха, этимология, тюркские заимствования.

Для цитирования: Максимов С. А. Бесермянский праздник акаяшха и терминология, связанная с его проведением // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 37-43. DOI:10.31483/r-101558.

Research Article

The Bessermian Holiday Akayashka and Terminology Associated with its Celebration

Sergey A. Maksimov

FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Izhevsk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract: The paper is devoted to the traditional Bessermian holiday akayashka associated with the beginning of spring agricultural work. The ritual complex of the holiday lasted for three or four days, and each day had its own name: arafa, akayashka ~ akashha, akayashka kelyan. *Relevance.* The Udmurt ritual cycle akashka (beserm. akayashka) is described in sufficient detail by researchers of the 19th – early 21st centuries. There have been attempts in recent works to reconstruct the origin and evolution of ritual elements. However, some of the earlier descriptions in similar studies have been left without due attention. The etymologies of some terms related to the celebration of akayashka are not fully disclosed, or they are questionable and need further research or clarification. *Conclusion.* In this paper, for the first time, the etymologies of the words cholpan (a mallet used to beat on wood to exorcise evil spirits on the first day of the celebration of akayashka) and argar (a rite on the eve of Akayashka with a request from the Almighty God for a harvest) are revealed; the reason for the creation of the name of the rite burdo shed ‘winged soup’, the analogues of which are absent in Udmurt dialects, is defined; the reasons for the difference in the celebration of the rites of the akayashka ~ akashha ~ gershyd cycle, which have the same source of origin, are also specified.

Keywords: Udmurt language, Bessermian dialect, akayashka ritual complex, etymology, Turkic borrowings.

For citation: Maksimov S. A. (2022). The Bessermian Holiday Akayashka and Terminology Associated with its Celebration. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(1), 37-43. (in Russ.). DOI:10.31483/r-101558.

Введение

В культуре земледельческих народов особое место занимают праздники, связанные с началом выхода на полевые работы. В этом отношении удмуртская и бесермянская культуры не являются исключением. Удмуртский праздник первой борозды *гырыны потон* букв. ‘выход пахать’ (*кизыны потон* ‘выход сеять’, *геры поттон* ‘вынос плуга’, *геры сайтон* ‘пробуждение / угощение плуга’, *геры сектан* ‘угощение плуга’, *акашха* и др.) достаточно подробно описаны исследователями XIX – начала XXI в. Бесермянский обрядовый цикл также не остался без внимания исследователей. Так, одну из первых заметок об «окаяшке» можно найти в статье сотрудника Вятского статистического

комитета, губернского секретаря Н. П. Штейнфельда «Бесермяне. Опыт этнографического исследования», написанной и опубликованной в конце XIX в. [Штейнфельд, 1894, с. 241]. Весьма ценные записи об *акаяшке* сделаны исследователем бесермянского наречия Т. И. Тепляшиной. Подробное описание этого праздника, записанного от информанта в полевых условиях, размещено в качестве приложения к монографии «Язык бесермян» [Тепляшина, 1970, с. 277–284]. Кроме того, обрывочную информацию по данной теме можно найти и в другой части названного труда [Тепляшина, 1970, с. 41–42, 47, 65, 118, 210, 257]. Рассматриваемый обрядовый цикл нашел наиболее подробное отражение в одной из монографий исследователя бесермянской

культуры Е.В. Поповой [Попова, 2004, с. 88–100]. В новейшей работе В. В. Напольских делается попытка реконструкции происхождения и эволюции обрядовых компонентов удмуртского *акашка* и бесермянского *акаяшика* [Напольских, 2021]. Однако некоторые более ранние описания в указанном исследовании остались без должного внимания. Этимологии отдельных терминов, связанных с проведением *акаяшики* раскрыты не до конца или вызывают сомнения и требуют дальнейшей разработки или уточнения.

В связи с вышеизложенным выбранная тема исследования представляется актуальной. Цель работы – собрать воедино информацию о терминах, связанных с проведением *акаяшики*, исследовать их этимологию.

Материалы и методы

Материалами для настоящей работы послужили данные монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» [Тепляшина, 1970], Е. В. Поповой «Календарные обряды бесермян» [Попова, 2004], Диалектологического атласа удмуртского языка [Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, Арзамазова, 2015], личные наблюдения автора над бесермянским наречием. Основные методы – описательный и метод этимологического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Краткое описание обрядового цикла *акаяшика*

Обрядовый цикл *акаяшика*¹. традиционно проводился в течение трех-четырех дней. Первый день праздника назывался *арафа*, восходящий к арабско-мусульманской культуре и широко распространен у тюрksких народов, обозначая канун (религиозного) праздника. В этот день приглашали родственников в гости, совершая взаимные визиты, проводили обрядовую трапезу [Тепляшина, 1970, с. 278]. В этот же день проводились молодежные игры. Днем на берегу реки готовили бревно из «звучавшего» дерева, а из сучьев изготавливали колотушки *чултан*. Вечером разводили костер и пели напев *арафа*, постукивая колотушками по бревну в такт пению. После завершения пения колотушки и бревно выбрасывали в воду. В соответствии с другими данными, колотушки выкидывали в реку только после обхода деревни. Деревню обходили с исполнением напева *арафа крезь*. Посещая избу, пришедшие постукивали колотушками по матице, потолку или полатям. Целью описанного обряда являлся отгон отрицательных сил [Попова, 2004, с. 89–90].

У бесермян Юкаменского района вечерние молодежные игры были известны как *аргар* / *аргар карон*. Для этого молодежь шла в близлежащий лес, где разжигали костер, пили пиво, веселились. Ближе к полуночи девушки и молодые женщины возвращались домой, а парниправляли обряд *аргар*. По команде одного из участников вместе трижды кричали «ау-у-у». Затем прислушивались, с какой стороны раздадутся голоса или лай собаки. Звуки с северной стороны – к

неурожаю, звуки с восточной стороны – на тех полях урожай уродится [Тепляшина, 1970, с. 278]. Во время молодежных игр также пели напев *аргар крезь*, специально приуроченный к данному обряду [Попова, 2004, с. 91]. После возвращения в деревню молодые люди домой не заходили, а топили баню, мылись и парились [Тепляшина, 1970, с. 278]. Из литературы известно, что в более ранних вариантах традиции во время обряда *аргар* кричали не «ау-у-у», а три раза «аргар», прося у всевышнего о хорошем урожае [Попова, 2004, с. 92]. Таким образом, все обрядовые действия были направлены на то, чтобы повлиять на будущий урожай.

Второй день описываемого обрядового цикла назывался собственно *акаяшика*.

С утра вся семья мылась в бане. Перед выходом на посев взрослое население посещали средневековые могильники, называемые *бигершай*² ‘татарское кладбище’, приносили жертву предкам и просили у них благополучия и урожая. Для чтения молитвы на могильнике приглашали муллу из ближайшей татарской деревни. Примерно около полудня выходили в поле собственно на *акаяшику*: старались выйти все – и стар и млад. Глава семьи делал углубление в земле и клал туда яйцо и часть жертвенной пищи для хозяина поля (земли). После чего он приступал к ритуальному севу: разбрасывал овес, а вместе с зерном крашеные яйца. Дети наперегонки собирали яйца. После того как вспахана одна борозда, и дети возвращаются, подобрав яйца, на краю участка устраивали совместную трапезу с молитвой. Завершался праздник играми, соревнованиями и конными скачками [Тепляшина, 1970, с. 278–279; Попова, 2004, с. 92–98].

Третий день *акаяшики*, назывался *акашка келян* ‘проводы *акаяшики*’. В этот день до обеда проводили обряд *чорәг сиён ~ черәг сиён* ‘поедание рыбы’, а после обеда – обряд *бурдо шәәд* ‘«крылатый» суп / суп «крылатой» сохи’ ~ *сабан бурд* ‘отвал косули / сабана’. Обряды включали визиты родственников, приготовление рыбного супа и коллективную трапезу. Вечером спускались к реке провожать *акаяшику* [Тепляшина, 1970, с. 280; Попова, 2004, с. 98–99].

Во второй половине дня девушки, достигшие совершеннолетия, и молодые женщины, собравшись отдельно от парней, устраивали ритуальную трапезу *арвак* (*арвак карон*, *акашка арвак*). С утра готовили выпечку, пиво и кашу. Во время самой трапезы сохраняли тишину – не пили и не веселились [Попова, 2004, с. 99].

[Вечером спускались к реке провожать *акаяшику* [Тепляшина, 1970, с. 280; Попова, 2004, с. 98–99].

На четвертый день прежде справляли обряд *герәшәәд* обряд ‘«суп сохи / плуга»’. Варили суп, готовили яичницу, пекли всякие кушанья. К середине XX в. этот обряд был уже утрачен [Тепляшина, 1970, с. 280]. Интересно отметить, что наименование *герәшәәд* ‘соха / плуг + суп’ является калькой чувашского *ака яиши*.

В работе Т. И. Тепляшиной также имеется информация о том, что перед началом сева справляют *герә*

¹ Информация о происхождении терминов, выделенных полужирным курсивом, о контекстах их функционирования более подробно представлена ниже в словарике.

² Специалисты придерживаются мнения, что название не отражает этнической принадлежности, а относится к дохристианскому населению [Попова, 2004, с. 94].

поттон ‘праздник выноса плуга’. Проводят его непрерывно: купив вина, берут его с собой на поле и выпивают [Тепляшина, 1970, с. 256]. По всей видимости, речь идет о поздней стадии (упрощенной форме) функционирования весеннего обряда, который у информанта ассоциировался уже не с *акаяшкой*, а с североудмуртским *геры поттон*.

Список терминов, связанных с обрядом *акаяшка*

В данный список включены основные термины, связанные с описываемым обрядом. Большая часть из них извлечена из монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» вместе с соответствующими контекстами употребления. При подаче примеров графика сохранена без изменения. В транскрипции необычным выглядит буква *ø* – символ для обозначения неогубленной гласной фонемы среднего (средне-заднего) ряда среднего (средне-нижнего) подъема, акустически близкой к чув. *ă*, тат. *ы*. Надстрочным знаком (°) обозначен её редуцированный вариант. Цифры в квадратных скобках после примеров означают номер страницы монографии. Для каждого термина приводится этимология (после символа •).

акаяшка, акашха – праздник, проводимый перед началом весенних полевых работ; *akajaška* – бесермянский народный праздник перед началом сева [65]; *Akaškaje kün' nönal praz'n'ik voz'ølizø: pervoj nönalze arafa šuølizø, kökéti'ze – akaška, kün'et'ize – akaška kel'an* (Б. Юнда) ‘[Бесермянский праздник] акаяшку праздновали три дня: первый день [праздника] называли *арафа*, второй – *акашка*, третий – *проводы акаяшки*’ [257]; *Gurten-gurten as punnæz veras'ko kœc'e nönales akajaskaje potønø* (Шам.) ‘В каждой деревне самостоятельно договариваются о том, на какой день назначить празднование «акаяшки»’ [277]; *L'ukas'køsa veras'ko so nönales akajaska karønø* (Шам.) ‘На общем сходе устанавливают день празднования акаяшки’ [277]; *poto n'i akajaškee vič'agøz; peč'iez no, zekez no pote n'i* (Шам.) ‘На эту акаяшку выходят уже все: и мал, и стар’ [278–279]; *akajaskalis' wal'l'o ogja buskel'en veras'ko val ken'a mar das'tono akajaškalø* (Шам.) ‘Еще до празднования акаяшки договаривались сообща всем родом, сколько чего нужно подготовить к акаяшке’ [280].

• Бес. сев.: юк. бал., юж. плюж.: завят. *акашка* (бес. сев.: юк. бал.) ‘праздник, проводимый перед началом весеннего сева, праздник первой борозды’, (юж. плюж.: завят.) ‘пасха’ [Карпова, 2013, с. 67–68; Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, Арзамазова 2015, с. 146] < ст.-чув.: чув. *ака* ‘плуг; пашня’ + яшка ‘суп, похлебка’ | Исследователи относят к чувашскому или булгарскому заимствованию: < чув [Wichmann, 1903, с. 37–38; Федотов 1996, т. 1, с. 31; Максимов 2016, с. 37; Напольских 2021, с. 37, 48–49]; < чув. или проточув [Алатырев, 1988, с. 69]; < булг [Тараканов, 1993, с. 30; Напольских, 2015, с. 405]. Статист Вятской губернской канцелярии Н. П. Штейнфельд [1894: 241] считал, что этот обычай спрашивать *окаяшку* несомненно заимствован у татар, и сравнивал его с праздником «сабан» малмыжских татар. Ввиду ограниченного территориального распространения, следует отнести не к булгарским, а чувашским заимствованиям. Усвоено из

чуваших диалектов, в которых интервокальные шумные (еще) не испытывали озвончения.

• Вариант *акаяшка* имеет иное территориальное распространение (только на севере Удмуртии), несколько другую семантику и историю происхождения: *окаяшка* ‘языческий праздник перед началом весенних полевых работ’ [Штейнфельд, 1894, с. 241]; сев.: сч. *акайашка*. ~ *акайашка* ‘праздник, проводимый перед началом весеннего сева’ [Карпова, 2013, с. 67–68]; бес. *акайашка* ‘праздник первой борозды’ [Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, Арзамазова, 2015, с. 146] < чув. *ака* ‘плуг; пашня’ + яшка ‘суп, похлебка’. В отличие от варианта *акашка*, который у южных удмуртов больше ассоциируется с Пасхой (ранее входил как составной элемент в цикл празднования Великого дня), форма *акайашка* заимствована позднее и, скорее всего, от чувашей, некогда обитавших в бассейне Чепцы. Глухой согласный *к* вместо *г* (ср. совр. чув. *ака* [*aga ~ aga*]) унаследован от более раннего заимствования *акашка*, хотя можно предположить архаичность идиолекта названной чувашской группы в отношении озвончения интервокальных согласных.

арафа – название первого дня весеннего праздника *акаяшка* ~ *акашка*; *arafa* весенний праздник [118]; *Akaškaje kün' nönal praz'n'ik voz'ølizø: pervoj nönalze arafa šuølizø, <...>* (Б. Юнда) ‘[Бесермянский праздник] акаяшку праздновали три дня: первый день [праздника] называли *арафа*, <...>’ [257]; *Vot aslam tunne, suom veras'kemøn n'i. So nönal lue «arafa»* (Шам.) ‘Вот, скажем, на сегодняшний день назначено (празднование акаяшки). Этот день именуется ‘арафа’’ [278] • < тат. **эрәфә*: *эрәпә ~ гарәфә* ‘канун праздника; подготовка к празднику’ < араб. *арафа* ‘канун (праздника)’ < ‘гора Арафат’ < рф ‘знать, предвидеть’ [Напольских, 2008, с. 222–223; Напольских, 2015, с. 515; Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 136, 230; Попова, 2004, с. 88]. Согласно «Исламскому энциклопедическому словарю», *Арафа* – день, предшествующий религиозному празднику. Также так называют девятый день месяца зульхиджа, предшествующий празднику Ид аль-Адха (Курбан байрам). В этот день паломники, приехавшие на хадж, совершают обряд стояния на горе Арафат [Арафа].

арвак: *акашка арвак* ‘угощение по случаю *акашки*’, *арвак карон* ‘устраивание угощения’ [Попова, 2004, с. 99]; *arçak* – название коллективной обрядовой трапезы женщин и девушек [Напольских, 2008, с. 223; Напольских, 2015, с. 515]. Данное бесермянское слово и удм. *arvak* ‘жадный, алчный, ненасытный’ В. В. Напольских возводят к тат. *ärwax* ‘духи, души’ < араб. *arwāḥ* ‘тж.’ (мн. ч. от *rūḥ* ‘душа’). Особенность семы ‘жадный, алчный’ ученый связывает с представлениями о жадных голодных духах, что отчетливо проявляется в периферийно-южном удмуртском слове *aśarbak* ‘алчный, жадный’ < тат. *açarwaq* < *aç ärwax* букв. ‘голодные духи’ (описанном в: [Csúcs, 1990, с. 111]). В бесермянском наречии развитие семантики словашло в ином направлении: ‘духи, души’ > ‘души умерших’ > ‘души предков’ – объект поминальных обрядов [Напольских, 2008, с. 223; Напольских 2015, с. 515]. Отметим, что аналог последнего слова зафиксирован также в бесермянском,

ср. бес.: *ачөруак* ‘ачарвак’ (мифический обитатель реки, полутица-получеловек, которому приносили жертвы, чтобы птицы не съедали урожай и растущие побеги, чтобы лучшие ловилась рыба) [Словарь, 2013, с. 28].

аргар – обряд накануне акаяшки ~ акашики с просьбой у всевышнего об урожае; *аргар* ‘урожай (этим словом накануне акаяшки, поздно вечером, собравшись в лесу бесермянская молодежь прежде как бы просила всевышнего об изобилии, урожае, выкрикивая его три раза подряд’ [47]; *Otən soos «argar» karəlizə: ojigez komandovat' kare as'se poləs' ik, petuk č'orjamja wan'məz' kaləkez t'os au-i-u č'ereč'ko* (Шам.) «Там они спрашивали обряд «аргар»: после того как пропоют петухи, по команде одного из них все участники собравшейся компании хором кричат *ау-у-у*’ [278] • По-видимому, заимствовано из татарского языка: ср. тат. *әгәр* ‘если’, диал. *әгәр* ‘пусть будет’ < перс. *ägär* ~ *gär* ‘если, если бы’ [Эхмэтянов, 2015, т. I, с. 124]. Согласный *r* первого слога – результат гипертезы, переноса звука с конца второго слога, ср.: удм. диал. *урт-мурт* < *уд-мурт*, бес. *ур-морт* ~ *урт-мот* < *уд-морт*. В специальных напевах данное слово выступает в паре с условным союзом *ке* ‘если’, ср.: *Аргар ке, аргар мед луоз, сезыос бурно мед потозы <...>* ‘Урожай так урожай пусть будет, овес пусть бурно всходит <...>’ [Попова, 2004, с. 92]. Первоначально слова напева могли звучать следующим образом: *Аргар ке сезыы [кизим], сезыы мед луоз, сезыос бурно мед потозы <...>* ‘Если овес [посеем], овес пусть уродится (букв. пусть будет), посевы овса пусть бурно всходят <...>’. Отметим, что в современном разговорном языке союз *ке* нередко употребляется в паре с русским союзом *если*. В приведенном напеве это выглядело бы так: **Если ке сезыы [кизим], сезыы мед луоз <...>**. Со временем слово *аргар* деэтиологизировалось. Не исключено, что диалектное значение тат. *әгәр* ‘пусть будет’ (< ‘если бы’), ранее имело более широкое распространение. В этом случае *аргар* дублировало и усиливало удм. / бес. сочетание *мед луоз* ‘пусть будет’. Подобная семантика слова согласуется с троекратным выкриком его во время обряда *аргар карон*. Впоследствии магический символ слова был утрачен, ввиду чего оно было заменено выкриком *ау-у-у*.

бурдо шөд – обряд «крылатый суп» / «суп крылатой сохи», **сабан бурд** ‘отвал сабана’ (обряд, проводимый на третий день акаяшки после обеда, после обряда «чөрөг сиён» ‘лакомство рыбой’); *sebre gurtazə berto, burdo səd karo. saban burd no suo soje* (Шам.) ‘После того как побывают в гостях друг у друга, у всех (членов рода), расходятся по своим домам. После обеда собираются на «суп отвала сохи». Иногда его именуют «сабан бурд» (букв.: крыло сохи. Мы полагаем, что этим термином бесермяне в этом случае обозначают «отвал» сохи’ [280]; *Burdosəd s'iənə məno n'i vič'ag s'etm'eenəz* (Шам.) Справлять обряд «еды бурдо шөд» шли всей семьей [280] • Полагаем, что этот обряд у бесермян начали спрятывать после внедрения в практику земледелия сохи-косули, более совершенного инструмента, чем обычная соха, что позволило значительно улучшить качество обработки земли. В ознаменование новых прогрессивных перемен весенний цикл акаяшка

был дополнен еще одним обрядовым элементом – «крылатый суп», названным по характерной детали инструмента отвалу-крылу. По историческим данным, в хозяйстве удмуртов косуля получила распространение в XIX [История, 2007, с. 112]. Однако термином **бурдо герө* букв. ‘крылатая соха / плуг’ бесермяне могли называть и инструмент плужного типа сабан, заимствованный у татар, о чем можно судить по второму названию обряда – *сабан бурд* ‘отвал сабана’.

Исследователем М. Г. Атамановым зафиксировано, что праздник *Бурдо јсук* (букв. «крылатая каша») проводили на третий день после Пасхи в удмуртских деревнях Пески, Омсино, Верхнее Мочагино и Сизёво Слободского района Кировской области [Шутова, 2018, с. 65]. По историческим данным, в д. Омсино прежде жили бесермяне (бесермяне / чуваши арская), а два последних населенных пункта (были) расположены в непосредственной близости от бывших деревень с бесермянских населением (см. об этом: Тепляшина 1970, с. 24).

герө поттон – праздник выноса плуга; *Kiz'no potəkə gerə potton karo: ežət g'ne vina bas't'sa potto no juo, mol'l'a ne karo* (Б. Юнда) ‘Когда начинается сев,правляют праздник выноса плуга; купив немножко вина, берут с собой и пьют его, соблюдают обычай’ (‘непринуждённо проводят’. – С. М.) [256].

герөшөд – обряд «суп сохи / плуга» («едения супа плуга») (обряд, спрятываемый на четвёртый день акаяшки); *Gerəšəd karəlizə, kal' ug* (Б. Юнда) ‘В прошлом спрятывали обычай под названием «суп плуга», теперь уже не отмечают’ [257]; *N'ul'et'i nənalaz gerəsəd lue* (Шам.) ‘На четвертый день спрятывают обряд «едения герөшөд» (букв.: «едения супа сохи’’ [280]; *gerəsəde pez'təlizə səd, les'təlizə puštem, rəzəm'nos rəzəlizə* (Шам.) ‘На «герөшөд» варили суп, готовили яичницу, пекли всякие кушанья’ [280] • удм. юж. гэришыд ‘праздник завершения весенне-полевых работ’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 49] < чув. *ака яши* ‘плуг + суп’ [11, с. 405]. Версия о чувашской кальке в происхождении названия праздника, с нашей точки зрения, весьма правдоподобна. Названия традиционных удмуртских и бесермянских праздников со вторым компонентом *шыд* (= чув. *яши*) распространены в основном в южном (юго-западном) и северо-западном ареалах удмуртского языка, где прослеживается чувашское влияние.

сабан бурд см. **бурдо шөд**

чолпан – колотушка, которой стучали о дерево во время *арафа* (*юон*) для изгнания нечистой силы в первый день празднования акаяшки [Попова, 2004, с. 89]. Вполне возможна связь с тат. Чулпан ‘Венера (планета)’. Следующие тюркские слова: тат. чулпан, башк. *сүлтан* ‘планета Венера (особенно – утренняя)’ – восходят к общекыпчакскому *чолпан*; соответствия имеются в других группах тюркских языков, а также в старомонгольском – *čolban* ~ *čolbin* [Эхмэтянов, 2015, т. 2, с. 211]. Как отмечает Р. Г. Ахметянов, существуют различные легенды, связанные со словом и образом: алт. *чолпан* ‘Диана, охотница Каника, охотница красавица’, якут. *чолбон* ‘глаз сатаны (Иблиса)’ и др. По мнению татарского лингвиста, Чулпан происходит от китайского слова *Чжю люнг вань* ‘небесный дракон’;

князь (царь) небесных драконов' и приводит следующую легенду. Солнце ночью входит в воду и утром начинает выходить из воды, и тогда злой дракон-дьявол, облаченный в его одежду, пытается проглотить солнце, но Чжсу люнг, прикрыв один глаз, стреляет из лука в дьявола; его неприкрытый глаз – это чулпан! [Эхмэтьянов, т. 2, с. 211, 453].

Первоначальный образ Чолпана, проникшего к бесермянам через татарскую культуру, был утерян, трансформировавшись в колотушку *чолпан* – символ изгнания злых сил. Учитывая фонетический облик слова, можно сказать, что оно заимствовано после XIV в., когда в удмуртском языке завершился процесс звукопереноса *o* > *u* в первом слоге (об этом см.: Кельмаков 1993, с. 16–17). В то же время в контактирующих татарских говорах к моменту заимствования аналогичный процесс (*чолпан* > *чулпан*) еще не был завершен.

В тюркских культурах Венера (Утренняя звезда) олицетворяет утреннюю зарю (рассвет), представляющую собой границу между тьмой и светом, ср. башк. *Султан*, *Султан йондоҙо* и *Таң йондоҙо* ‘утренняя звезда. Венера; досл. звезда утренней зари’. Реликт олицетворения зари [Хисамитдинова, 2010, с. 270]. Иначе говоря, *Чулпан* (< *Чолпан) – это символ побеждающего света, с появлением которого тьма отступает и уходит нечистая сила. В бесермянском обряде изгнания нечистых сил колотушка *чолпан* также выступает символом, побеждающим, изгоняющим нечистые силы. Очевидна параллель с названием утренней звезды, и, таким образом, гипотеза о татарском заимствовании исследуемого слова вполне может иметь под собой основание.

Выходы

Исследование происхождения терминов, связанных с весенним праздником *акаяшка* позволяют вести речь о том, что название обрядового комплекса имеет чувашское происхождение: *акаяшка* ~ *акашка* < чув. *ака* ‘плуг; пашня’ + *яшка* ‘суп, похлебка’. К данному же источнику восходит название обрядового элемента, проводившегося на четвертый день: *герөшөә* ‘соха / плуг + суп’ < чув. *ака яшки* (калька). Большая часть заимствованных элементов воспринята через татарский язык: *арафа* – название первого дня весеннего праздника *акаяшки* ~ *акашка* < тат. *әрәфә* ‘канун праздника’; *арвак* – название коллективной обрядовой трапезы женщин и девушек < тат. *ärwāx* ‘духи, души’;

аргар – обряд накануне *акаяшки* с просьбой у всеышнего об урожае < тат. *әгәр* ‘если’, диал. ‘пусть будет’; *чолпан* – колотушка, которой стучали о дерево для изгнания нечистой силы в первый день *акаяшки* < тат. *Чулпан* (< *Чолпан) ‘Венера’ (Утренняя звезда) – символ побеждающего света, с появлением которого тьма отступает и уходит нечистая сила. Собственно бесермянский обрядовый элемент *бурдо шөә* – обряд «крылатый суп», иначе, *сабан бурд* ‘отвал сабана’ (обряд, проводимый на третий день *акаяшки*), по-видимому, появился после внедрения в земледелие косули вятского типа или же сабана татарского типа.

В связи с рассматриваемым обрядовым комплексом имеется высказывание о том, что термин *ака яшки* и

сам комплекс, оформленный в мусульманской традиции, был заимствован предками бесермян на правобережье нижней Вятки (современный центральный север Татарстана и прилегающие территории соседних регионов), затем перенесен ими на север, в бассейн Чепцы; у южных удмуртов этим термином был назван цикл защитных и обходных обрядов, приуроченных к Пасхе [Напольских, 2021, с. 37, 48].

Процесс заимствования рассматриваемого обрядового комплекса и его названия, с нашей точки зрения, происходил несколько иначе. Первоначально предки бесермян, действительно, заимствуют термин в форме *акашка* у чувашязычного населения на правобережье нижней Вятки, назвав им уже существующий праздник весенне-полевых работ типа *геры поттон*. Дальнейшее развитие и усложнение обрядового комплекса происходит после переселения на Чепцу в результате сложного и тесного взаимодействия (вплоть до межэтнических браков и взаимной ассимиляции) предков бесермян с переселившимися в эти края чувашами и татарами. Фонетический вариант *акаяшка*, а также калька *герөшөә* возникли уже на нижней Чепце, вероятно, в среде разных локальных групп бесермян. Вся татарская (в том числе мусульманская) терминология заимствована не на нижней Вятке, а в бассейне Чепцы.

Имеется несоответствие семантики (содержания) описываемого праздника у разных локальных групп удмуртов. Так, у южных групп удмуртов *гершийд* (< ‘соха / плуг + суп’ < ака яшки) чаще обозначает праздник окончания весенне-полевых работ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 49], что хорошо согласуется с чувашским *ака яшки* ‘моление и пирушка по окончании ярового сева’, зафиксированного только в словаре Ашмарина [Напольских, 2021, с. 44]. В то же время указанный обряд рознится от исследуемого нами бесермянского праздника *акаяшка*. Однако обратимся к содержанию чувашского праздника *акатуй*. В старом чувашском быту этот праздник начинался перед выходом на весенние полевые работы и завершался после окончания сева яровых. В разных локальных группах он имеет разные названия: *сухату* или *сапантуй* ‘праздник сохи’ [Акатуй]. Полагаем, что у большинства чувашей этот праздник ранее назывался *ака яшки* ~ *акаяшка*. Учитывая значительный временной отрезок чувашского обрядового комплекса, легко представить варьирование его рефлексов в разных удмуртских локальных группах.

Сокращения

Алт. – алтайский язык; араб. – арабский язык; Б. Юнда – с. Большая Юнда (Балезинский р-н УР); башк. – башкирский язык; бес. – бесермянское наречие; букв. – буквально, буквальный перевод; булг. – булгарский язык; диал. – диалект, диалектное; завят. – завятские говоры (удм. плюж.); проточув. – проточувашский язык; плюж. – периферийно-южный диалект (удм.); сев. – северное наречие; совр. – современный; ст.-чув. – старочувашский язык; сч. – среднечепецкий диалект (удм. сев.); тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык; Шам. – д. Шамардан (Юкаменский р-н УР); юж. – собственно южный диалект (удм.); юк. – юкаменский говор (удм. сев.); якут. – якутский язык.

Список литературы

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка : буквы А, Б. Ижевск : Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1988. 240 с.
2. Арафа [Электронный ресурс]. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/83/Arafa> (дата обращения : 28.09.2021).
3. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН : Удмуртский государственный университет, 2011. 320 с.
4. История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. / под ред. М. Г. Ивановой. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2007. 304 с.
5. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
6. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 58 с.
7. Максимов С. А. От мегали мера к великтэм: к вопросу о происхождении и функционировании названий Пасхи в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Том 9, выпуск 1. С. 30–40.
8. Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. 646 с.
9. Напольских В. В. Удмуртские этимологии // Пермистика XII: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2008. С. 218–230.
10. Напольских В. В. Удмуртская акашка ~ бесермянская акаяшка и позднесредневековая этническая история Нижнего Прикамья // Этнография. 2021. №4. С. 37–54.
11. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина В. Г., Арзамазова О. А. Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2015. Выпуск 5. С. 256.
12. Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 253 с.
13. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка. Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
14. Тараканов И. В. Удмуртско-туркские языковые взаимосвязи: теория и словарь. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 170 с.
15. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва : Наука, 1970. 288 с.
16. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
17. Фокин П. П. Акатуй [Электронный ресурс]. URL : <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=255> (дата обращения : 27.02.2022).
18. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. 456 с.
19. Штейнфельд Н. П. Бесермяне: опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 220–259.
20. Шутова Н. И. Этнотерриториальные группы удмуртов: обряды и верования северных удмуртов: монография. Ижевск : Шелест, 2018. 290 с.
21. Эхмэтьянов Р. Г. Татар теленең этиология: сүзлеге : ике томда. Казан : Мәгариф-Вакыт, 2015.
22. Csúcs S. Die Tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1990. 305 S.
23. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1903. Band 21. 170 S.

References

1. Alatyrev, V. I., & Izhevsk, B. (1988). Etimologicheskii slovar' udmurtskogo iazyka : bukvy A; Nauchno-issledovatel'skii institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoi ASSR. 240.
2. Arafa. Retrieved from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/83/Arafa>
3. Vladykina, T. G., & Glukhova, G. A. (2011). Ar-god-bergan: obriady i prazdniki udmurtskogo kalendarja. Izhevsk : Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya RAN : Udmurtskii gosudarstvennyi universitet. 320.
4. Ivanovoi, M. G. (2007). Istoriia Udmurtii., 304. UrO RAN.
5. Karpova, L. L. Leksika severnogo narechiia udmurtskogo iazyka.
6. Kel'makov, V. K. (1993). Formirovanie i razvitiye fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk : Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. 58.
7. Maksimov, S. A. (2016). From megal mera to veliktem: the origin and functioning of names for easter in the Udmurt language. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii. Tom 9, vypusk 1. 30-40.
8. Napol'skikh, V. V. (2015). Ocherki po etnicheskoi istorii. Kazan'. 646.
9. Napol'skikh, V. V. (2008). Udmurtskie etimologii. Permistika XII, 218-230. Izhevsk.
10. Napol'skikh, V. V. (2021). Udmurt Akaška ~ Bessermian Akajaška and the Late Medieval Ethnic History of the Lower Kama Region. Etnografija. 4. 37-54.
11. Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., Busygina, V. G., & Arzamazova, O. A. (2015). Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka: karty i kommentarii. Izhevsk : NITs "Reguliarnaia i khaoticheskaia dinamika". Vypusk 5. 256., k5.

12. Popova, E. V. (2004). Kalendarne obriady besermian. Izhevsk : Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN. 253.
13. Slovar' besermianskogo dialekta udmurtskogo iazyka. (2013). Moskva : TEZAURUS. 540.
14. Tarakanov, I. V. (1993). Udmurtsko-tiurkskie iazykovye vzaimosviazi: teoriia i slovar'. Izhevsk : Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. 170.
15. Tepliashina, T. I. (1970). Iazyk besermian. Moskva : Nauka. 288.
16. Fedotov, M. R. (1996). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka : v 2-kh tomakh. Cheboksary : Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk.
17. Fokin, P. P. Akatui. Retrieved from <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=255>
18. Khisamitdinova, F. G. (2010). Mifologicheskii slovar' bashkirskogo iazyka. Moskva : Nauka. 456.
19. Shteinfel'd, N. P. (1894). Besermiane: opyt etnograficheskogo issledovaniia. Kalendar' i pamiatnaia knizhka Viatskoi gubernii na 1895 god. 220-259. Viatka.
20. Shutova, N. I. (2018). Etnoterritorial'nye gruppy udmurtov: obriady i verovaniia severnykh udmurtov: monografia. Izhevsk : Shelest. 290.
21. Ekhmet'ianov, R. G. (2015). Tatar telenen' etimologik suzlege : ike tomda. Kazan : Megarif-Vakyt.
22. Csucs, S. (1990). Die Tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest : Akademiai Kiado. 305.
23. Wichmann, Y. (1903). Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Band 21. 170. Helsinki.

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич –
канд. филол. наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный
исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук»,
Ижевск, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey A. Maksimov – candidate
of philological sciences, senior research fellow
of FSBIS "Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences", Izhevsk, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 05.03.2022

Принята к публикации / Accepted 30.03.2022

Опубликована / Published 30.03.2022